УДК 329

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

Р. Ш. Хасанов

Северо-Кавказский федеральный университет,
ул. Пушкина, 1, г. Ставрополь, 355009, Россия

Анализируется процесс трансформации партийно-политической системы современной Турции, который начался в 2002 г. с приходом к власти Партии справедливости и развития (ПСР). Система умеренного плюрализма, существовавшая в Турции с 1991 по 2002 г., характеризовалась крайней нестабильностью и высокой фрагментацией. С приходом к власти ПСР начинается формирование системы с доминирующей партией, снизились уровни фрагментации и электоральной волатильности. В результате поменялся политический ландшафт: полностью теряют свой политический вес центристские партии-старожилы, их традиционный электорат консолидируется прежде всего вокруг ПСР, в число ведущих партий возвращается Народно-республиканская партия и стабильно увеличивает свой электорат, ультраправая Партия националистического движения после провала 2002 г. также расширяет свою электоральную базу, в парламент в 2015 г. сенсационно проходит прокурдская Демократическая партия народов.

Прослеживается трансформация турецкой партийной системы через динамику изменений структуры межпартийной конкуренции. В качестве аналитических инструментов используются такие количественные показатели, как явка на выборы, колебания недействительных бюллетеней, процентное соотношение голосов, а также индексы эффективного числа партий (ЭЧП), волатильности и диспропорциональности. Анализируется влияние изменений в партийной системе на политическую систему республики в целом. Делается вывод о том, что доминирование ПСР, сопровождаемое сужением электорального пространства, коренным образом трансформировало политическую систему республики. Данная трансформация характеризуется: 1) снижением влияния кемалистской высшей бюрократии и военной элиты, выполнявших функции арбитров и защитников светских устоев; 2) консолидацией политического режима Р. Т. Эрдогана и 3) усилением авторитарных тенденций.

Ключевые слова: Турция, партийная система, парламент, политические партии, доминирующая партия, количественные показатели, Партия справедливости и развития, оппозиция.

Парламентские выборы 2002 г. стали определенной точкой разрыва в развитии партийной системы Турецкой Республики. Итоги этих выборов коренным образом изменили расстановку политических сил в стране, что ознаменовалось началом формирования новой партийной системы — системы с доминирующей партией, в роли которой выступает Партия справедливости и развития (далее — ПСР).

Новый формат пришел на смену системе умеренного плюрализма[1], существовавшей в Турции с 1991 по 2002 г. В этот период партийная система рес-

[1] В соответствии с типологией партийных систем Дж. Сартори.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

публики характеризовалась высоким уровнем фрагментации, электоральной волатильности и идеологической поляризации (табл. 1). Стоит напомнить, что именно эти три проблемы, или «болезни», как их называет известный турецкий исследователь Э. Озбудун, привели к военному перевороту 1980 г. (Özbudun, 2001, p. 239).

После переворота 1980 г. с целью не допустить повторной эскалации политического насилия и политической радикализации военная хунта предприняла ряд мер административного и законодательного характера, в числе которых были изменения в избирательной системе и выборных процедурах, ограничения на политическую деятельность партий, высокий 10%-й проходной барьер в парламент (Шлыков, 2013, с. 38). Эффект от предпринятых мер оказался непродолжительным: уже на вторых по счету открытых демократических выборах в 1991 г. «старые болезни» турецкой партийно-политической системы проявились с еще большей остротой (табл. 1).

Таблица 1. **Показатели фрагментации и волатильности партийной системы Турции (1973–2002 гг.)**[2]

Год	ЭЧП*	Волатильность**	Диспропорциональность***
1973	3,3	28,4	5,6
1977	2,5	18,3	5,5
1983	2,9	–	4,5
1987	4,0	–	15,7
1991	4,7	16,6	7,1
1995	6,2	18	5,8
1999	6,6	19,9	4,1
2002	5,2	42	21,5

Примечания. * — индекс эффективного числа партий (ЭЧП) отображает количество значимых в системе партий (рассчитан по формуле М. Лааксо, Р. Таагеперы: $N = \frac{1}{\sum pi^2}$, где pi — это доля голосов, полученных i-й партией на выборах); ** — волатильность рассчитана по индексу М. Педерсена: $^1/_2$ суммы разниц процентных долей голосов (по модулю), полученных каждой партией на данных и предыдущих выборах (формула: $\text{İPed} = \frac{\sum[pi - pt]}{2}$, где pi — процент голосов, поданных избирателями за данную партию на настоящих выборах; pt — процент голосов избирателей, проголосовавших за данную партию на предыдущих выборах); *** — индекс диспропорциональности рассчитан по формуле А. Лейпхарта как средняя величина суммы отклонений между процентом полученных голосов и мест в парламенте двух наибольших партий.

[2] На основе данных T. C. Yüksek Seçim Kurulu (ЦИК Турции). URL: http://www.ysk.gov.tr/ysk/faces/GenelSecimler?_afrLoop=4698666546232411&_afrWindowMode=0&_afrWindowId=a545hdknu_28%40%3F_afrWindowId%3Da545hdknu_28%26_afrLoop%3D4698666546232411%26_afrWindowMode%3D0%26_adf.ctrl-state%3Da545hdknu_40 (дата обращения: 5.02.2017).

Как видно из таблицы 1, после стабильно невысоких показателей в 1983 г. и 1987 гг. индексы эффективного числа партий (ЭЧП) и фракционализации парламента начиная с 1991 г. имели тенденцию постоянного роста, что свидетельствует о существовавшем в этот период высоком уровне фрагментации партийной системы. Для сравнения: показатели ЭЧП и фракционализации до военного переворота 1980 г. были ниже, чем в период с 1991 по 1999 г. Традиционно высокий уровень волатильности электората по итогам выборов 2002 г. достиг максимальной отметки в 42 пункта за всю историю турецкой партийной системы.

Такой высокий уровень волатильности, наблюдаемый по итогам этих выборов, объясняется тем, что ни одна из пяти партий предыдущего созыва не сумела преодолеть 10%-й барьер, тем самым оставшись вне парламента (табл. 3). Места этих пяти партий в парламенте (Великом национальном собрании Турции — ТВММ) заняли две новые партии — Партия справедливости и развития (ПСР) и Народно-республиканская партия (НРП). Ни ПСР, ни НРП не входили в состав прежнего парламента: ПСР была образована лишь в 2001 г. выходцами из запрещенной в 1998 г. Партии благоденствия, а НРП на тех выборах не преодолела 10%-й барьер (табл. 2).

Таким образом, в 2002 г. начался новый этап в развитии партийной системы Турции, характеризующийся абсолютным доминированием одной политической силы — Партии справедливости и развития (ПСР), которая удерживает статус правящей партии в течение последних 15 лет.

Цель нашего исследования — комплексный анализ процесса трансформации партийной системы Турции начиная с 2002 г. Сначала с помощью таких количественных показателей, как явка на выборы, колебания недействительных бюллетеней, индексы эффективного числа партий (ЭЧП), волатильности и диспропорциональности, мы проследим динамику межпартийной конкуренции. Затем проанализируем, какое влияние изменения в партийной системе оказали на развитие политического режима в республике в целом.

При операционализации понятия системы с доминирующей партией мы опираемся на исследования Дж. Сартори. Он выделил три характеристики доминирующей партии в рамках электоральной демократии: процент голосов, полученных партией на выборах, длительность периода, в ходе которого партия имеет парламентское большинство, характер оппозиции. В отношении показателя длительности Дж. Сартори определил минимальную планку — три раза подряд выигранные выборы, для показателя процентного соотношения голосов — минимум 10% разницы между долями доминирующей партии и второй партии, главной характеристикой оппозиции называл ее слабость, разобщенность (Sartori, 1976, p. 171–173).

В соответствии с этими показателями итоги последних шести парламентских выборов, статистические данные о которых представлены в таблицах 2, 3, показывают, что к 2011 г. в Турции сложилась система с доминирующей партией. Выборы 2015 г. не внесли существенных изменений в сложившийся формат, хотя в парламент сенсационно прошла прокурдская Демократическая партия народов: партийная система по-прежнему характеризуется доминированием одной партии. Разница между полученными правящей ПСР голосами и голо-

сами второй по результатам партии (кемалистской НРП) составляет около 25 % (табл. 3).

Для того чтобы проследить процесс трансформации партийной системы Турции и сравнить характеристики последовательно сменявших друг друга партийных систем (умеренный плюрализм — 1991–2002, доминирующая партия — 2002–2015), анализ итогов парламентских выборов мы начали с электорального цикла 1999 г., предшествовавшего так называемым «опрокидывающим выборам» 2002 г.

ПОКАЗАТЕЛИ ЯВКИ ИЗБИРАТЕЛЕЙ И НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ БЮЛЛЕТЕНЕЙ НА ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ В ТУРЦИИ (1999–2015 гг.)

Таблица 2, посвященная явке избирателей, иллюстрирует три характерных момента:

1) с 1999 г. идет постоянное увеличение количества зарегистрированных избирателей; за отчетный период рост составил 19 453 792 человек, или 1,5 раза;
2) прослеживается сохранение высокого уровня явки (средний показатель 83,7 %);
3) прослеживается заметное колебание числа недействительных бюллетеней от выборов к выборам.

Таблица 2. **Явка избирателей на парламентских выборах в Турции (1999–2015 гг.)**

	1999	2002	2007	2011	2015 (июнь)	2015 (ноябрь)
Кол-во зарегистрированных избирателей	37 495 217	41 407 027	42 799 303	52 806 322	56 608 817	56 949 009
Явка на выборах (% и общее число проголосовавших)	87,1 %, 31 184 496	79,1 %, 31 528 783	84,2 %, 35 049 691	83,16 %, 42 941 763	83,92 %, 47 507 467	85,23 %, 48 537 695
Кол-во недействительных бюллетеней	1,5 млн	1,2 млн	1 млн	0,9 млн	1,3 млн	0,7 млн

По мнению российского турколога П. Шлыкова, постоянное увеличение числа зарегистрированных избирателей вряд ли можно объяснить демографическим фактором (Шлыков, 2013, с. 41). Турецкий исследователь А. Чаркоглу полагает, что это связано с внедрением более совершенной системы адресной регистрации населения (Çarkoğlu, 2011, p. 47). Вне зависимости от причин таких колебаний, очевидно, что рост числа избирателей сыграл на руку правящей ПСР: если в 2002 г. за нее проголосовало 10 808 229 человек, что составляло 34,3 % от общего количества голосов, то в 2015 г. это число увеличилось более чем в два раза. На ноябрьских выборах ПСР получила рекордные 23 681 926 голосов, или 49,50 % (табл. 3).

В отношении показателя явки избирателей интересным представляется не его стабильно высокий уровень, а колебания числа недействительных бюллетеней на фоне 1,5-кратного увеличения количества избирателей. Отметим, что в отличие от российского законодательства в турецком не существует двух отдельных понятий «недействительный бюллетень» и «испорченный бюллетень» (Любарев): есть понятия «действительный» (*geçerli*) и «недействительный бюллетень» (*geçersiz*). Любой бюллетень, не соответствующий требованиям действительного, признается недействительным.

Так, в 1999 г. количество недействительных бюллетеней составляло 1,5 млн, в 2002 г. — 1,2 млн, в 2007 г. — 1 млн, в 2011 г. это число составило 0,9 млн, а в 2015 г. — 1,3 млн в июне и 0,7 млн в ноябре. На основе этих данных можно заключить, что число недействительных бюллетеней достигало наивысшего роста на тех выборах, которым предшествовала тяжелая избирательная кампания на фоне политической и социально-экономической нестабильности. Выборы 1999 г. были досрочными после так называемого «постмодернистского переворота», когда под давлением военных в отставку ушел премьер-министр Н. Эрбакан, лидер происламской Партии благоденствия (Шлыков).

Выборы 2002 г. также проходили в тяжелых политических и социально-экономических условиях (Трубникова, 2003, с. 322), и 1,2 млн недействительных бюллетеней свидетельствуют о разочаровании электората политикой сменявших друг друга коалиционных правительств: многие избиратели не видели другой альтернативы, кроме как испортить свои бюллетени. Затем на выборах 2007 г. и 2011 г. число недействительных бюллетеней заметно снизилось (0,9 млн и 0,8 млн соответственно) на фоне успехов правящей ПСР в деле экономического развития страны и роста благосостояния граждан (Acar, 2013, p. 17–20).

На июньских выборах 2015 г. вновь наблюдается резкий рост числа недействительных бюллетеней (1,3 млн). Как и результаты выборов (ПСР впервые с 2002 г. не получила абсолютного большинства в парламенте, табл. 3), они свидетельствовали о разочарованности электората политикой правящей партии, отсутствии в глазах избирателей реальной альтернативы ПСР. На досрочных выборах в ноябре 2015 г. вновь число недействительных бюллетеней снижается (0,7 млн): сложная политическая обстановка в стране, отсутствие постоянного правительства, крупный теракт в Анкаре вызвали страх в обществе, и турки, как настойчиво призывал их Р. Т. Эрдоган, отдали свои голоса, как они посчитали, за стабильность в лице правящей партии (Саетов).

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ГОЛОСОВ ИЗБИРАТЕЛЕЙ МЕЖДУ ПАРТИЯМИ

Другой важный аспект в итогах последних шести выборов — это процентное соотношение голосов между партиями. Таблица 3 иллюстрирует данный показатель. В нее вошли данные только о тех партиях, которые набрали более 2% голосов как минимум в двух из шести выборов в обозначенный период. Партии, набравшие менее 2%, не включены в таблицу в силу того, что они не оказывали значимого влияния на формат партийной системы, а их состав менялся от вы-

Таблица 3. **Итоги парламентских выборов в Турции (1999–2015 гг.)**

	1999	2002	2007	2011	2015 (июнь)	2015 (ноябрь)
Партия справедливости и развития	(не участвовала)	10 808 229 голосов, 34,3%, 363 мандата	16 327 291 голос, 46,6%, 341 мандат	21 399 082 голоса, 49,8%, 327 мандатов	18 867 411 голосов, 40,87%, 258 мандатов	23 681 926 голосов, 49,50%, 317 мандатов
Народно-республиканская партия	2 716 094, 8,7%, 0	6 113 352, 19,4%, 178	7 317 808, 20,9%, 112	11 155 972, 25,98%, 135	11 518 139, 24,95%, 132	12 111 812, 25,32%, 134
Партия националистического действия	5 606 583, 18,0%, 129	2 635 787, 8,4%, 0	5 001 869, 14,3%, 70	5 585 513, 13%, 53	7 520 006, 16,2%, 80	5 694 136, 11,90%, 40
Партия Отечества	4 122 929, 13,2% 86	1 618 465 5,1%, 0	–	–	161 674, 0,35%	118 803, 0,25%
Демократическая левая партия	6 919 670, 22,2%, 136	384 009, 1,2%	–	108 089, 0,3%	85 810, 0,19%	31 805, 0,07%
Партия добродетели	4 805 381, 15,4%, 111	(запрещена в 2001)	–	–	–	–
Партия верного пути	3 745 417, 12%, 85	3 008 942, 9,5%, 0	–	–	28 852, 0,06%	14 131, 0,03%
Партия молодежи	–	2 285 598, 7,2%	1 064 871, 3,0%	–	–	–
Прокурдские партии	1 482 196, 4,75% Демократическая партия народа (HADEP)	1 960 660, 6,21% Народная демократическая партия (DEHAP)	–	–	6 058 489, 13,12%, 80 Демократическая партия народов	5 148 085, 10,76%, 59 Демократическая партия народов

боров к выборам, так как партии-аутсайдеры самоустранялись, не выдерживая конкуренции с крупными партиями.

Как видно из таблицы 3, выборы 2002 г. стали провальными для партий, определявших динамику партийной системы с 1987 по 2002 г. Ни одна из пяти партий предыдущего созыва не преодолела 10%-го барьера. Такие выборы в литературе принято называть «опрокидывающими» (*earthquake elections*). Причиной такого протестного голосования стало тяжелое социально-экономическое положение в стране, разочарование в результатах политики коалиционного правительства, раздираемого внутренними конфликтами, растущее недоверие к партиям-старожилам и их лидерам (Трубникова, 2003, с. 321–322). С этого момента

начинается политическое угасание большинства из этих партий, при этом Партия добродетели Н. Эрбакана была запрещена еще в 2001 г. и не принимала участия в выборах 2002 г. Сегодня продолжают свою политическую деятельность Партия Отечества, Партия верного пути и Демократическая левая партия. Их общий результат на выборах в ноябре 2015 г. составил 0,35 %.

Единственная партия, сумевшая оправиться после провала на выборах 2002 г., — это Партия националистического действия (ПНД). Это объясняется тем, что ПНД за годы своего существования сумела сформировать и сохранить электоральную базу, идеологические предпочтения которой лежат в области турецкого национализма и пантюркизма (Галкина, Хасанов, 2015, с. 41).

За исследуемый период только двум партиям удалось существенно увеличить уровень электоральной поддержки. Это ПСР, рост поддержки которой составил 15,2 % с 2002 по 2015 г., и НРП с ростом в 5,9 % за аналогичный период (при этом, если считать с выборов 1999 г., когда НРП даже не преодолела 10%-го барьера, рост составил 16,6 %).

В частности, к ПСР перетек электорат таких правоцентристских партий-старожилов, как Партия Отечества, Партия верного пути и ее преемница Демократическая партия. К ПСР также отошли голоса происламских партий, ведущих свое начало от Милли Гёрюш, — Партии добродетели и Партии народного голоса. Таким образом, ПСР со своей декларируемой идеологией консервативной демократии сумела аккумулировать поддержку правоцентристского и консервативно-религиозного электората. Другой сильной правоцентристской или происламской партии в сегодняшней Турции нет. Некоторые турецкие эксперты на фоне сложного электорального цикла 2015 г. прогнозируют появление альтернативной ПСР сильной правоцентристской партии (Nesrin). Однако, на наш взгляд, в ближайшей перспективе это маловероятно, так как связано как с контролем правящей партией большинства СМИ в стране, так и с отсутствием в политическом поле популярного и харизматичного политика, способного возглавить такую партию и противостоять Р. Т. Эрдогану.

Схожая консолидация также произошла и в ряду левоцентристских партий, поддерживаемых лаицистским электоратом. Здесь пальма первенства у НРП. Некогда крупная Демократическая левая партия (ДЛП), входившая в парламент страны в 1991–1999 гг., полностью растеряла свой электорат. На выборах 2002 г. ДЛП набрала только 1,2 %, тогда как по итогам выборов 1999 г. она была самой крупной партией в парламенте. Именно ее лидер Б. Эджевит был премьер-министром страны с 1999 по 2002 г. С 2002 г. начинается политическое угасание ДЛП: на ноябрьских выборах 2015 г. ее результат составил всего лишь 0,07 %. Весь левоцентристский электорат перетек к НРП, улучшившей свой результат с 8,7 % в 1999 г. до стабильных за три последних цикла 25 % (табл. 3).

Турецкий националистический электорат также консолидировался вокруг Партии националистического действия (ПНД). После 19,5 % голосов на выборах 1999 г. на выборах 2002 г. ПНД набрала 9,4 %, оставшись вне парламента. Однако с 2007 г. ПНД стабильно набирает от 10 до 15 % голосов (табл. 3). Другая националистическая партия — Партия великого союза не составляет ей конкуренции и набирает в среднем не более 1 % голосов.

Особый случай представляют собой прокурдские партии. В силу серьезного давления и запретов со стороны государства, с одной стороны, и разрозненности самих политических сил — с другой, им не удавалось привлечь на свою сторону большую электоральную поддержку. На выборах 1999 г. главная на тот момент прокурдская Демократическая партия народов (Halkın demokrasi partisi) набрала 4,75 % голосов. В 2003 г. ДПН была окончательно запрещена. Ее преемницей стала партия со схожим названием — Демократическая народная партия (Demokratik Halk Partisi), которая на выборах 2002 г. набрала 6,21 % (табл. 3).

На выборах 2007 и 2011 гг. представители прокурдских политических сил, понимая зыбкость своих шансов преодолеть 10%-й барьер в парламент, участвовали в качестве независимых кандидатов. Прохождение в парламент по итогам июньских выборов 2015 г. прокурдской Демократической партии народов (ДПН) стало сенсацией: она набрала рекордные для прокурдских партий 13,12 % голосов. И хотя по итогам ноябрьских выборов 2015 г. она потеряла более 2 % голосов, факт сохранения парламентского статуса является беспрецедентным для прокурдских партий.

Успех ДПН объясняется несколькими причинами. Во-первых, молодая партия возникла в результате объединения не только прокурдских партий и общественных организаций, но и различных организаций «зеленых» и ЛГБТ-сообществ, за счет этого ДПН получила поддержку не только своего традиционного электората в лице курдов-националистов, но и других многочисленных социальных групп, недовольных политикой правящей партии. Большую роль сыграла личность лидера ДПН Селахаддина Демирташа — молодого и яркого политика с незапятнанной репутацией, пользующегося большим доверием у избирателя. В копилку ДПН добавились голоса оппозиционно настроенного к Р. Т. Эрдогану электората, так как прохождение ДПН в парламент означало, что Р. Т. Эрдогану не удастся изменить форму правления с парламентской на президентскую, приняв новую Конституцию страны (Саетов).

Во-вторых, ДПН поддержала консервативно-религиозная часть курдского населения, преимущественно суннитов, которая ранее голосовала за происламскую ПСР. Причиной смены партийных предпочтений у данной группы курдского населения стали неосторожные слова Р. Т. Эрдогана об отсутствии в Турции «курдской проблемы». Данный факт крайне возмутил консервативно-религиозных курдов, в результате чего они отдали свои голоса за ДПН (Kürt oylarını).

На досрочных выборах в ноябре 2015 г. ДПН удалось сохранить большую часть своего курдского электората из-за возобновления боевых действий против запрещенной Рабочей партии Курдистана (РПК) и прекращения процесса мирного урегулирования. В отношении лидеров ДПН были начаты судебные преследования, в глазах курдского электората они предстали как защитники угнетаемого властями курдского населения Юго-Восточной Турции. В настоящий момент руководство ДПН заключено под стражу[3].

[3] См.: HDP'li vekil cezaevinde ziyaret etti: Demirtaş ve Zeydan'a alenen işkence yapılıyor. URL: http://www.cumhuriyet.com.tr/haber/turkiye/641062/HDP_li_vekil_cezaevinde_ziyaret_etti__Demirtas_ve_Zeydan_a_alenen_iskence_yapiliyor.html (дата обращения: 5.02.2017).

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ИНДЕКСЫ ДИНАМИКИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ТУРЦИИ

Показатели ЭЧП, фракционализации, волатильности и диспропорциональности за период с 2002 по 2015 г. также отражают произошедшую трансформацию турецкой партийной системы в сторону большей консолидации по сравнению с периодом 1991–1999 гг.

Таблица 4. **Показатели фрагментации и электоральной волатильности партийной системы Турции (1991–2015 гг.)**

Год	ЭЧП	Фракционализация	Волатильность	Диспропорциональность
1991	4,7	0,71	16,6	7,1
1995	6,2	0,77	18	5,8
1999	6,6	0,79	19,9	4,1
2002	5,2	0,52	42	21,5
2007	3,5	0,6	19	8,1
2011	3,0	0,59	12	5,6
2015 (июнь)		0,69	13,4	3,04
2015 (ноябрь)		0,57	8,0	4,0

Показатели фракционализации и диспропорциональности отражают уровень фрагментации парламента и пропорциональность распределения депутатских мандатов между партиями согласно завоеванным ими на выборах голосам: в нашем случае чем выше показатель фракционализации, тем ниже уровень диспропорциональности. Здесь ключевым фактором являются 10%-й проходной барьер и метод распределения депутатских мандатов, принятый в Турции и известный как метод д'Ондта. Особенность метода д'Ондта заключается в том, что он сильно благоприятствует партиям-фаворитам, что приводит к большой диспропорции между процентным соотношением голосов и распределением мандатов (Иванченко, Кынев, Любарев).

Крайне высокий проходной барьер, установленный после военного переворота 1980 г., был призван закрыть доступ в парламент радикальным партиям и не допустить повторной фрагментации партийной системы. Если данные меры не оказали существенного эффекта на результаты выборов 1991, 1995 и 1999 гг., то на выборах 2002 г. метод распределения мандатов по д'Ондту в сочетании с 10%-м барьером сыграл ключевую роль, фактически обеспечив ПСР доминирование в партийно-политической системе страны. Тогда в 2002 г., как уже было отмечено, в парламент прошли только две партии: НРП с результатом в 19,4 % получила 178 мандатов, а ПСР с результатом в 34,3 % — 363 мандата (для формирования однопартийного правительства требуется 276 мандатов). Для сравнения: на июньских выборах 2015 г. ПСР набрала 40,87 %, но получила всего лишь 258 мандатов, так как число парламентских партий увеличилось до четырех.

Если в период 1991–1999 гг. отмечается постоянный рост параметров ЭЧП и фракционализации, свидетельствующих о высокой фрагментации партийной системы, то с 2002 г. они имеют тенденцию к стабилизации. Во-первых, сократилось число партий, реально претендующих на вхождение в парламент с учетом высокого проходного барьера: в течение трех электоральных циклов (2002, 2007, 2011 гг.) количество парламентских партий варьировалось от двух до трех. Для сравнения: с 1991 по 1999 г. в парламент страны стабильно проходили пять партий. В 2015 г. число парламентских партий увеличилось до четырех с вхождением прокурдской ДПН. Однако факт увеличения парламентских партий в 2015 г., на наш взгляд, вовсе не свидетельствует о тенденции к фрагментации партийной системы. Наоборот, партийная система по-прежнему остается консолидированной с точки зрения представленности основных политических сил: впервые за долгое время парламент страны соответствует числу избирательных блоков, исторически сложившихся в Турции и существующих в наше время. В туркологии принято выделять пять избирательных блоков: 1) верующие турки-сунниты и верующие курды-сунниты, 2) лаицистский блок, 3) этнические турецкие националисты, 4) курдские этнические националисты, 5) алевиты (Шлыков). При этом если в период с 1991 по 1999 г. каждая из традиционных для Турции идейно-политических платформ, на основе которых образовались эти избирательные блоки, была представлена несколькими равными по электоральной поддержке партиями, то на современном этапе каждая из них представлена только одной крупной партией. Причины этого мы рассмотрели выше.

Доминирование ПСР, сопровождаемое сужением электорального пространства, коренным образом трансформировало политическую систему республики. Эта трансформация происходила в два этапа. Первый этап проходил на фоне активизации процесса вступления Турции в ЕС. В рамках данного процесса произошли демократизация публичной сферы и либерализация законодательства. В результате возможности влияния старых кемалистских элит на правительство ПСР были сведены к минимуму, а известные судебные процессы (Эргенекон, Бальоз) окончательно вывели из политической игры военную элиту, выполнявшую функции арбитра и защитника светскости.

Второй этап характеризовался консолидацией политического режима: произошел откат от курса на демократизацию в сторону усиления автократических тенденций. Устранив соперников в лице военных и кемалистской высшей бюрократии, Р. Эрдоган сконцентрировал весь процесс принятия решений в собственных руках. Став в 2014 г. первым всенародно избранным президентом Турции, он начал продвигать конституционную реформу, которая предполагает переход от парламентской формы правления к президентской. Попытка военного переворота только ускорила этот процесс. Поправки к Конституции уже одобрены большинством депутатов, далее вопрос будет вынесен на всенародный референдум, который, по предварительным данным, должен состояться в апреле 2017 г.[4]

[4] Referandum ne zaman yapılacak? İşte, tarihe dair bilgiler. URL: http://www.hurriyet.com.tr/referandum-ne-zaman-yapilacak-iste-tarihe-dair-bilgiler-40350654 (дата обращения: 04.02.2017).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, количественные показатели динамики межпартийной конкуренции демонстрируют стабилизацию партийной системы Турции. С приходом к власти ПСР изменяется формат партийной системы, началось становление системы с доминирующей партией, пришедшей на смену умеренному плюрализму 1990-х — начала 2000-х годов. Как результат, меняется политический ландшафт: 1) Партия справедливости и развития становится главной политической силой в стране; 2) полностью теряют свой политический вес центристские партии-старожилы; 3) в число ведущих партий возвращается Народно-республиканская партия, которая стабильно увеличивает свой электорат на протяжении последних пяти выборов; 4) ультраправая Партия националистического движения после провала 2002 г. также расширяет свою электоральную базу; 5) в парламент в 2015 г. сенсационно проходит прокурдская ДПН. Современная партийная система республики характеризуется стабильными показателями индексов ЭЧП, фракционализации, волатильности, в отличие от предшествовавшего периода 1991–2002 гг. При этом представленность партий в парламенте отражает существующие в турецком обществе проблемные измерения и избирательные блоки.

Однако, опираясь на эти показатели, было бы опрометчивым сделать вывод о стабильности всей партийно-политической системы Турции: политический процесс в этой стране характеризуется крайней турбулентностью. Свидетельством этого в том числе является неудачная попытка военного переворота в июле 2016 г. Кроме того, представленность основных избирательных блоков в парламенте страны не привела к консолидации самого общества: линии социальных размежеваний становятся только острее, а разлад между разными социальными группами сильнее. Значение партий в этой ситуации огромное: именно партии транслируют социальные противоречия и интересы в политическую систему. Как отмечает З. Баран, процесс демократизации не привел к консолидации самой демократии в Турции: «Развитие демократии обнажило глубокие разногласия в турецком обществе, что не способствует политической стабильности» (Baran, 2008, p. 55).

Сужение электорального пространства, когда политическая фрагментация и волатильность электората снизились, привело к консолидации политического режима. Консолидация электората из разных социальных групп вокруг ПСР основывалась на инновационной консервативно-демократической платформе ПСР, объединившей традиционные и либеральные ценности и лозунги. Демократизация публичной сферы и либерализация законодательства в рамках процесса вступления Турции в ЕС привели к сокращению возможностей влияния старых кемалистских элит на правительство ПСР, а известные судебные процессы (Эргенекон, Бальоз) окончательно вывели из политической игры военную элиту, которая выполняла функции арбитра и защитника светскости. Дальнейшее развитие партийной системы будет определяться динамикой самого политического режима: на апрельском референдуме большинство турок проголосовало за конституционную реформу, предусматривающую переход от парламентской формы правления к президентской.

Литература

Галкина Е. В., Хасанов Р. Ш. Идеологическое измерение партийно-политического пространства современной Турции // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. Вып. 20, № 6. С. 38–46.

Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России. Независимый институт выборов. URL: http://www.vibory.ru/Publikat/PES/ch-4-3.htm (дата обращения: 04.02.2017).

Любарев А. Е. Недействительные и испорченные бюллетени: паника напрасна // Эхо Москвы. URL: http://echo.msk.ru/blog/lyubarev/864474-echo/ (дата обращения: 04.02.2017).

Саетов И. Г. От электората к «халифату». РСМД. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6831 top-content (дата обращения: 04.02.2017).

Трубникова С. А. Политический кризис в Турции и парламентские выборы 2002 г. // Востоковедный сборник Института востоковедения РАН. 2003. № 5. С. 321–325.

Шлыков В. И. Поиск политического равновесия. Эволюция партийной системы Турции в период Третьей Республики (1983–2009) // Фонд исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/book/poisk_politicheskogo_ravnovesija_evolucija_partijnoj_sistemy_turcii_v_period_tretjej_respubliki_1983-2009_2009-07-03.htm (дата обращения: 04.02.2017).

Шлыков П. В. Трансформация партийно-политической системы Турции в 1983–2013 гг. и мобилизационные стратегии оппозиции. Часть 1 // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2013. № 3. С. 36–54.

Acar F. Türkiye Ekonomisine Genel Bakış (2001–2013) // Çalışma Dünyası Dergisi. 2013. No. 1 (2). P. 17–40.

Baran Z. Turkey divided // Journal of Democracy. 2008. Vol. 19 (1). P. 55–69.

Çarkoğlu A. Turkey's 2011 General Elections: Towards a Dominant Party System? // Insight Turkey. 2011. Vol. 13 (3). P. 43–62.

Kürt oylarını HDP'ye kaydıran 2 neden. URL: http://www.haber7.com/guncel/haber/1406082-kurt-oylarini-hdpye-kaydiran-2-neden (дата обращения: 04.02.2017).

Nas N. 1 Kasım seçimleri yeni bir merkez parti doğuracak. Zaman politika. URL: http://www.zaman.com.tr/politika_nesrin-nas-1-kasim-secimleri-yeni-bir-merkez-parti-doguracak_2322873.html (дата обращения: 04.02.2017).

Özbudun E. The Institutional Decline of Parties in Turkey // Political Parties and Democracy / eds. L. Diamond, R. Gunther. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2001. P. 239–241.

Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 342 p.

T. C. Yüksek Seçim Kurulu. URL: http://www.ysk.gov.tr/ysk/faces/GenelSecimler?_afrLoop=4698666546232411&_afrWindowMode=0&_afrWindowId=a545hdknu_28%40%3F_afrWindowId%3Da545hdknu_28%26_afrLoop%3D4698666546232411%26_afrWindowMode%3D0%26_adf.ctrl-state%3Da545hdknu_40 (дата обращения: 04.02.2017).

Хасанов Резван Ширваниевич — аспирант; rezvankhasanv@rambler.ru

Статья поступила в редакцию: 1 января 2017 г.;
рекомендована в печать: 10 февраля 2017 г.

Для цитирования: Хасанов Р. Ш. Трансформация партийной системы современной Турции // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017. Т. 13, № 1. С. 56–69.

TRANSFORMATION OF MODERN TURKISH PARTY SYSTEM

Rezvan Sh. Khasanov

North Caucasus Federal University,
Pushkina st., 1, Stavropol, 355009, Russia

The article analyzes dynamics of transformation of Turkish modern party system. This transformation began in 2002 with the coming to power of the Party of Justice and Development. The

system of moderate pluralism that existed in Turkey in 1991–2002, was characterized by extreme volatility and high fragmentation. Since the AKP came to power, formation of dominant-party system begins, which resulted in reduction of fragmentation and electoral volatility. As a result, we can see the change of the political landscape: old centrist parties completely lose its political weight, Republican People's Party steadily has increased its electorate, far-right Nationalist Movement Party after the failure of 2002 also has expanded its electoral base, Kurdish Democratic Party of Peoples entered the parliament in 2015 elections.

The author studies transformation of the Turkish party system through dynamics of changes in the structure of inter-party competition. As an analytical tools there are used such quantitative indicators as voter turnout, the fluctuations of invalid ballots, effective number of parties, electoral volatility and disproportionality. Then the author analyzes the impact of party system changes on the political system of the republic as a whole. The conclusion is that the dominance of the AKP, followed by a narrowing of the electoral space, radically transformed the political system of the republic. This transformation is characterized by: 1) decrease in the impact of the higher Kemalist bureaucracy and military elite, who used to perform the functions of arbitrators and advocates of secular principles; 2) consolidation of the political regime of R. Erdogan; and 3) strengthening of authoritarian tendencies.

Keywords: Turkey, Turkish party system, parliament, political parties, dominant party, quantitative indicators, Party of Justice and Development, opposition.

References

Acar F. Türkiye Ekonomisine Genel Bakış (2001–2013). *Çalışma Dünyası Dergisi*, 2013, no. 1 (2), pp. 17–41.

Baran Z. Turkey divided. *Journal of Democracy*, 2008, vol. 19 (1), pp. 55–57.

Çarkoğlu A. Turkey's 2011 General Elections: Towards a Dominant Party System? *Insight Turkey*, 2011, vol. 13(3), pp. 43–62.

Galkina E. V., Khasanov R. S. Ideologicheskoe izmerenie partiino-politicheskogo prostranstva sovremennoi Turtsii [Ideological dimension of party political space of modern Turkey]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4. Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia*. [*Volgograd State Journal. Chapter 4. History. Regional Studies. International Relations*], 2015, vol. 20, no. 6, pp. 36–46. (In Russian)

Ivanchenko A. V, Kynev A. V, Ljubarev A. E. Proportsional'naia izbiratel'naia sistema v Rossii [Proportional voting system in Ryssia]. *Nezavisimyi institut vyborov* [*Independent electoral institute*]. Available at: http://www.vibory.ru/Publikat/PES/ch–4–3.htm (accessed: 04.02.2017). (In Russian)

Kürt oylarını HDP'ye kaydıran 2 neden. Available at: http://www.haber7.com/guncel/haber/1406082-kurt-oylarini-hdpye-kaydiran–2-neden (accessed: 04.02.2017).

Ljubarev A. E. Nedeistvitel'nye i isporchennye biulleteni: panika naprasna [Invalid and spoiled voting lists]. *Ekho Moskvy* [*Moscow echo*]. Available at: http://echo.msk.ru/blog/lyubarev/864474-echo/ (accessed: 04.02.2017). (In Russian)

Nas N. *1 Kasım seçimleri yeni bir merkez parti doğuracak. Zaman politika*. Available at: http://www.zaman.com.tr/politika_nesrin-nas–1-kasim-secimleri-yeni-bir-merkez-parti-doguracak_2322873.html (accessed: 04.02.2017).

Özbudun E. The Institutional Decline of Parties in Turkey. Eds. L. Diamond, R. Gunther. *Political Parties and Democracy*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press, 2001, pp. 239–241.

Saetov I. G. Ot elektorata k "khalifatu" [From electorate to caliphate]. *RSMD*. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6831 top-content (accessed: 20.10.2016). (In Russian)

Sartori G. *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. Cambridge, Cambridge University Press, 1976, pp. 171–173.

Shlykov P. V. Transformatsiia partiino-politicheskoi sistemy Turtsii v 1983–2013 gg. i mobilizatsionnye strategii oppozicii. Chast' 1 [Transformation of party and political system of Turkey in 1983–2013 and electoral strategies of opposition]. *Journal of Moscow Uni. Series 13. Vostokovedenie*, 2013, no. 3, pp. 36–54.

Shlykov V. I. Poisk politicheskogo ravnovesija. Jevoljucija partijnoj sistemy Turcii v period Tret'ej Respubliki (1983–2009). [Search of political balance. Evolution of Turkish party system during the 3-rd Republic (1983–2009). Perspektivy [Perspectives]. Rezhim dostupa http://www.perspektivy.info/book/poisk_politicheskogo_ravnovesija_evolucija_partijnoj_sistemy_turcii_v_period_tretjej_respubliki_1983–2009_2009–07–03.htm (data obrashhenija 04.02.2017). (In Russian)

T. C. Yüksek Seçim Kurulu. Available at: http://www.ysk.gov.tr/ysk/faces/GenelSecimler?_afrLoop=4698666546232411&_afrWindowMode=0&_afrWindowId=a545hdknu_28%40%3F_afrWindowId%3Da545hdknu_28%26_afrLoop%3D4698666546232411%26_afrWindowMode%3D0%26_adf.ctrl-state%3Da545hdknu_40 (accessed: 04.02.2017).

Trubnikova S. A. Politicheskii krizis v Turtsii i parlamentskie vybory 2002 g. [Political crisis in Turkey and 2002 elections]. *Vostokovednyi Sbornik Instituta vostokovedeniia RAN* [*Oriental studies, RSA*], 2003, no. 5, pp. 321–325. (In Russian)

For citation: Khasanov R. Sh. Transformation of Modern Turkish Party System. *Political Expertise: POLITEX*, 2017, vol. 13, no. 1, pp. 56–69.